

Что стоит за атакой Верховного суда на институт частного обвинения

«Самые мучительные тайны их совести — всё, всё понесут они нам, и мы всё разрешим, и они поверят решению нашему с радостью, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного»

Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Часть вторая.
Книга пятая «Великий инквизитор»

В начале апреля текущего года Пленум Верховного Суда РФ принял решение внести в Государственную Думу РФ законопроект о ликвидации частного обвинения¹.

Верховный Суд уверен, что перевод всех уголовных дел частного обвинения в частно-публичные поможет, в том числе, решить проблему домашнего насилия.

Указанная инициатива лично у меня вызывает не только недоумение, но и опасения по поводу всё возрастающего вмешательства государства в частные дела граждан.

Присоединяюсь к мнению коллег, выступивших с критикой данной инициативы². Однако хотел бы остановиться не на правовых аспектах, странностях в статистике относительно бытового насилия (которое, безусловно, есть) и его видах, а о том, что может стоять за подобными предложениями.

Начну с наименьшего, что задевает в этом предложении.

4 июля прошлого года вступили в силу поправки в Конституцию РФ. Во время обсуждения поправок в Основной закон страны отдельно подчёркивалось, что данные поправки позволят закрепить безусловный приоритет Конституции РФ в национальном правопорядке. Активно обсуждалось, что после утверждения поправок Запад нам будет не указ в том, как жить и строить своё будущее. В общем, был обещан полный суверенитет во всех делах.

Действительно была изменена статья 79 Конституции, в которую добавлено положение, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, у нас не подлежат исполнению. Правда, оставили при этом без изменения статью 15 Конституции.

Однако Верховный Суд страны в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьёй 1161 и частью первой статьи 1281 Уголовного кодекса Российской Федерации)» ссылается на постановление Европейского Суда по правам человека от 9 июля 2019 года по жалобе № 41261/17 «Володина против Российской Федерации». Также фигурирует в данной ссылке, в том числе, эмоциональное и словесное насилие. Данные виды насилия сейчас достаточно сложно состыковать с национальным законодательством.

В части же дела ЕСПЧ «Володина против Российской Федерации» стоит отметить – в нём чётко прослеживается позиция о домашнем насилии в России из «теневого доклада»,

¹ <https://tass.ru/obschestvo/11076089>

² <https://fparf.ru/news/fpa/spornaya-initsiativa/>

подготовленного Центром по предупреждению насилия российской неправительственной организацией АННА (НКО, выполняющее функции иностранного агента).

В своё время «Информационно-методический центр Анна» (НКО, выполняющее функции иностранного агента) подготовил материал, о том, что в России в 2010 – 2015 годы якобы наблюдалось насилие (опять же не уточняя, в какой форме) в каждой четвёртой семье, а две трети убийств были связаны с мотивами, связанными с семьёй/домашним хозяйством. Также утверждалось, что около 14 000 женщин ежегодно умирали от рук своих мужей или родственников и что до 40% всех тяжких насильственных преступлений были совершены в семьях.

Данная статистика была признана недостоверной и однозначно противоречила официальным данным³, но именно данные этой некоммерческой организации прочно «прижились» в сознании европейского правосудия и повлияли на вердикт по указанному делу, с которым, видимо, согласен Верховный Суд РФ.

В этом контексте хотелось бы всё же понять, чем руководствуются наши власти, в том числе судебная её ветвь, при принятии знаковых для общества решений – национальными особенностями или западными трендами?

Сложно ориентироваться в правовом пространстве, где с одной стороны отвергают вердикты ЕСПЧ, а с другой на них ссылаются. При этом та грань, по которым проходит разграничение соответствия Конституции РФ или несоответствия ей, пролегает, порой, лишь в политической плоскости, а никак не в правовой.

Поэтому даже если суд решил ликвидировать правовой институт частного обвинения, то лично мне хотелось бы видеть убедительные доводы, вытекающие из национальных особенностей, традиций и законов, а не из вердиктов ЕСПЧ. Или же нашим национальным властям признавать все вердикты этого, если данный межгосударственный орган является для них ориентиром.

Со своей стороны отмечу – неоднократно защищал интересы потерпевших в подобных делах, и лично у меня больше вопросов к работе правоохранительных органов, нежели к возможности закончить дело примирением.

Если же учесть статистику по оправдательным приговорам в российских судах (стремящуюся к нулю), то лишение права жертвы насилия примириться со своим обидчиком (что было бы безусловным основанием для суда прекратить дело) приведёт лишь к увеличению числа обвинительных приговоров. Уничтожение же данного права потерпевшего наталкивает на более важные вещи, чем дуализм наших властей по отношению к Западу.

Данная инициатива Верховного Суда накладывается на общий мировой тренд во вмешательство властей в частную жизнь граждан. Это вмешательство никогда ранее ещё не имело таких масштабов и объясняется сейчас необходимостью борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции.

Вмешательство обосновывается заботой о людях, которые не понимают всей опасности для себя и общества. Однако за всеми благими объяснениями и заботой почему-то просматривается Великий инквизитор Достоевского Ф.М. из произведения «Братья Карамазовы». Напомню, этот персонаж заявлял, что обычный человек не так силен, чтобы вынести бремя свободы. Поэтому некая избранная группа возьмёт на себя всю тяжесть принятия решений, что могут и чего не могут делать остальные. *«И не будет у них никаких от нас тайн.*

³ <https://rvs.su/statia/otkuda-deputaty-berut-statistiku-o-semeynom-nasilii-komentariy-eksperta>

Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей — всё судя по их послушанию — и они будут нам покоряться с весельем и радостью... И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими», – говорил Великий инквизитор.

И, видимо, Верховный Суд РФ также решил не отставать от мировых тенденций. Суд в пояснительной записке указывает: *«Между тем частный порядок уголовного преследования, при котором поддержание обвинения в суде, доказывание вины подсудимого, равно как и возможность прекращения уголовного дела за примирением сторон, полностью зависят от позиции и активности потерпевшего при минимальном вмешательстве государства в обеспечение защиты и восстановления прав и свобод данного лица, не в полной мере согласуется с отмеченной позицией Европейского Суда по правам человека»* (выделено мной).

То есть по факту речь идёт не о преступниках, а о жертвах, их позиции и активности в вопросе примирения. И в первую очередь о них. Это потерпевшей стороне говорится (условно): «Ты неразумное малое дитя, ты не можешь знать, что хорошо для тебя, а что нет. Теперь это будет решать судья».

Фактически жертва преступления лишается права простить обидчика. Да, говорится, что тесные семейные связи делают жертву более манипулируемой со стороны преступника, но кто сказал, что эта манипуляция исчезнет, если исключить для суда безусловность примирения сторон? Не выйдет ли так, что граждане просто перестанут обращаться в правоохранительные органы, понимая, что жалоба неизбежно приведёт обидчика на скамью подсудимых?

Опять же, если на жертву преступления оказывается давление, то при наличии воли и желания со стороны правоохранительной, эта жертва может быть ограждена от опасности. Для этого есть все правовые механизмы (только они у нас не всегда адекватно используются). Не ясно, почему именно судья и только он должен определять, примирились стороны или нет. Почему не сама потерпевшая сторона? При том, что уже сейчас суд выясняет наличие воли жертвы на примирение, но, видимо, такой проверки реальности примирения суду недостаточно.

Также не ясно, почему нельзя институт частного обвинения дополнить помощью сторонам со стороны государства в защите своих интересов по делу. Получается, вместо того, чтобы совершенствовать имеющиеся институты, учитывающие свободу воли граждан, власти решают их ликвидировать.

Да, бывают случаи, когда примирение происходит поспешно и ошибочно, преступник возвращается к прежнему поведению, но это же ошибки живых людей. Всегда свобода выбора и вероятность ошибки идут рука об руку, однако это и делает человека хозяином своей судьбы.